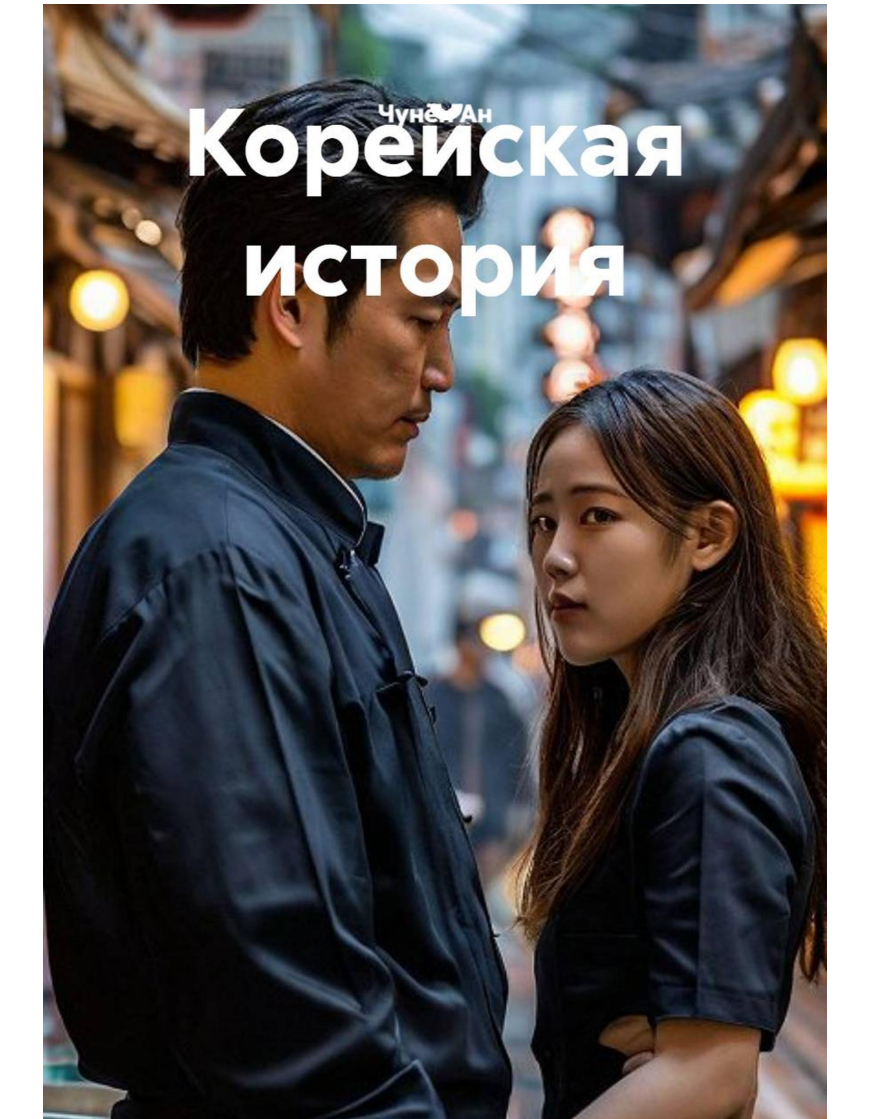

A man and a woman are shown in profile, facing each other in a close, intimate pose. They are standing on a city street at night, with blurred lights and buildings in the background. The man is on the left, wearing a dark jacket, and the woman is on the right, wearing a dark top. The overall mood is romantic and dramatic.

Чун-Мун Корейская история

Чунён Ан

Корейская история

<https://litres.ru/74363577>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он — сын самого опасного человека в Сеуле. Она — дочь полицейского, который поклялся посадить его отца за решётку.

Их миры не должны были пересечься. Но одна случайная встреча перевернула всё.

Мин-хо мечтает о карьере шеф-повара, а не о месте главы криминального клана. Он искренне верит, что не имеет отношения к «делам» отца, ведь его страсть — соусы, тесто и идеальный бульон, а не ночные клубы и тёмные сделки. Со-ри с детства знает, что справедливость не даётся просто так, и готовится стать прокурором, чтобы бороться с теми, кто считает себя неуязвимым.

Но первая любовь не спрашивает разрешения. Она настигает, как удар, как вспышка.

Тайны прошлого, предательства, мечты, которые кажутся недостижимыми, и семьи, чьи тени накрывают всё вокруг — выдержит ли их любовь проверку реальностью?

Добро пожаловать в Сеул, где за неоновым блеском скрываются самые тёмные тайны — и самые светлые чувства.

Содержание

Предисловие	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Чунён Ан

Корейская история

Предисловие

Я сижу у окна, и мир за стеклом движется так, словно его кто-то перематывает вперёд, а я здесь, внутри, застряла в паузе. Это кафе в Каннаме, спрятанное в переулке, который отходит от главной улицы, как тихий рукав от шумной реки. Сюда не заходят случайно. Сюда приходят те, кто знает, где искать, или те, кто устал искать и просто свернул не туда, чтобы в итоге оказаться именно там, где нужно. Я пришла во второй раз — или в третий, не помню. Это не важно. Важно то, что сегодня я здесь не одна, хотя, кроме меня и ещё нескольких людей, в зале почти пусто. Но они — двое — делают это место полным. Даже не так: они делают его переполненным, хотя сидят тихо, почти не разговаривая. Но от них исходит такое свечение, что воздух вокруг них кажется гуще, теплее, как вода, в которую только что опустили руку.

Прежде чем я подойду к ним ближе — не буквально, я не встану со своего места, я лишь позволю глазам скользнуть в их сторону, — я хочу описать это кафе. Потому что оно само по себе — как страница, на которой ещё ничего не написано, но уже есть поля, и запах, и тень от лампы. Страница,

на которой вот-вот появится история. Моя история. Или их. Впрочем, это будет одно и то же.

Вход в кафе — сбоку, через узкую дверь, выкрашенную в цвет тёмного шоколада. Над дверью нет вывески, только маленькая латунная табличка с названием, которое я всегда забываю, потому что оно написано не буквами, а как будто шёпотом. Ручка двери — холодная, металлическая, чуть поцарапанная, как будто её много раз сжимали в ладонях те, кто приходил сюда, чтобы спрятаться от дождя или от собственных мыслей. Я толкаю дверь, и она поддается с лёгким, почти извиняющимся скрипом, словно не хочет впускать в свою тишину лишний шум. Но я захожу, и шум остаётся снаружи — вместе с клаксонами, обрывками разговоров, цоканьем каблуков по асфальту, шорохом пакетов из бутиков, которые здесь, в Каннаме, несут так, будто это не покупки, а продолжение собственного тела. Внутри — тишина, но не пустая. Она как мягкая ткань, обернутая вокруг каждого звука: звяканье чашки, поставленной на блюдце, шипение пара, тихая фортепианная мелодия, которая доносится откуда-то из угла, но не настойчиво, а как воспоминание о мелодии, которое я никак не могу ухватить.

Запах первым касается меня, ещё до того, как я осматриваюсь. Пахнет свежемолотым кофе — глубоко, с лёгкой кислинкой, как будто кто-то раздавил в ладони горсть тёмных ягод. Пахнет тёплым деревом, старыми книгами, чуть влажной шерстью чьего-то пальто, оставленного на вешалке

у входа. И ещё — едва уловимо — пахнет сухими цветами, теми, что стоят на каждом столике в маленьких керамических вазочках. Они не пахнут по-настоящему, но их присутствие создаёт запах — запах увядания, который почему-то не вызывает грусти, а лишь лёгкую, почти невесомую печаль, какую испытываешь, глядя на старую фотографию, на которой все ещё живы, но уже знаешь, что этого не исправить. Я вдыхаю глубже. Этот запах — как вступление к роману, который я ещё не написала, но уже ношу в себе.

Свет в кафе мягкий, рассеянный, будто его процедили через тёплое молоко. Лампы под потолком — с абажурами из светлого льна, они отбрасывают на стены длинные, размытые тени, которые колышутся, когда кто-то проходит мимо. На столиках — маленькие лампы с тёплым, жёлтым светом, и от этого лица посетителей кажутся нарисованными пастелью: без резких линий, без возраста, только мягкие овалы и тени под глазами. Я выбираю своё обычное место — у окна, за столиком на двоих, хотя я всегда сижу одна. Стул с низкой спинкой, обитой тканью в мелкий рубчик. Она слегка шероховатая под ладонью, как кожа старого портфеля. Я провожу по ней пальцами, прежде чем сесть, — привычка, которая успокаивает. Стол — из светлого ясеня, на нём видно годовые кольца, тонкие, как паутина. В центре — маленькая вазочка с одной веткой сухоцвета. Не знаю, как называется этот цветок. Он напоминает мне о чём-то, что я потеряла, но не помню, что именно. Может быть, о лете, которое закончи-

лось слишком рано. Может быть, о человеке, который однажды ушёл, оставив после себя только запах дождя на пороге.

Я снимаю пальто и вешаю его на спинку стула. Подхожу к стойке. Бариста — молодая женщина лет двадцати пяти, с волосами, собранными в низкий пучок, из которого выбились две тонкие пряди. Она стоит за стойкой, наклонив голову, и что-то записывает в маленький блокнот. Когда я подхожу, она поднимает глаза и улыбается — не широко, а так, как улыбаются старым знакомым, с которыми не нужно говорить лишнего. Я заказываю американо. Она кивает, не спрашивая "Как обычно?", хотя я не уверена, что она помнит мой заказ с прошлого раза. Может быть, помнит. Может быть, просто угадала. В этом кафе всё кажется угаданным, а не выученным.

Я возвращаюсь за свой столик, достаю из сумки блокнот и ручку — но не для того, чтобы писать, а чтобы держать их на столе, как якорь. Я часто так делаю: кладу перед собой вещи, которые должны напоминать мне, кто я. Писательница. Та, что придумывает истории. Та, что смотрит на мир и видит в нём сюжеты. Но сегодня я не хочу придумывать. Сегодня я хочу только смотреть. Потому что они уже здесь, за столиком у противоположной стены, и я знаю, что не смогу отвести от них взгляд, пока не допишу их историю в своей голове.

Они — юноша и девушка. Им лет шестнадцать-семнадцать, не больше. Я сразу понимаю это, потому что в их движениях ещё нет той взрослой осторожности, которая застав-

ляет людей проверять, как они выглядят со стороны. Они не проверяют. Они просто есть. И от этого в них есть что-то обнажённое, что-то, что обычно прячут под слоями одежды, под масками, под словами, которые не значат ничего. Они — как две страницы, ещё не соединенные переплётом, но уже лежащие рядом, и между ними — воздух, который скоро станет клеем.

Девушка сидит лицом ко мне, но она не смотрит в мою сторону. Она смотрит на юношу. Её волосы — тёмные, почти чёрные, но не блестящие, а матовые, как ночное небо перед рассветом. Они собраны в небрежный хвост, из которого выбились несколько прядей и упали на щёки. Она не поправляет их. Она вообще не делает лишних движений. Только иногда поднимает руку и заправляет прядь за ухо — но не потому, что ей мешает, а потому, что ей нужно чем-то занять пальцы, которые дрожат, хотя она старается это скрыть. На ней простая белая футболка, чуть выцветшая, с едва заметным катышком у ворота — такие покупают в сетевых магазинах, где вещи пахнут картоном и пылью. Поверх накинута джинсовая куртка, которая когда-то была тёмно-синей, а теперь посветлела на сгибах, и воротник её слегка заломлен, как будто куртку слишком часто вешали на спинку стула. Рукава подвернуты, открывая тонкие запястья с голубыми ниточками вен. На ногах — кеды, которым уже не один сезон: резина по краям пожелтела, а шнурки завязаны неровно, будто она торопилась и не придавала этому значения. Рядом

на стуле лежит её сумка — холщовая, с вышитой вручную маленькой заплаткой-сердечком, пришитой неумелыми, но старательными стежками. В этой сумке, я знаю, лежит потрёпанный учебник по литературе и кошелёк, в котором осталось ровно столько, сколько нужно на билет домой и на это какао. Она смотрит на юношу, а он смотрит то на неё, то в свою чашку, то в окно, то опять на неё. Его взгляд — как маятник, который не может остановиться, потому что если остановится, то придётся сделать что-то, к чему он не готов.

Юноша одет иначе. На нём свитер из тонкой шерсти — глубокий графитовый цвет, без единого катышка, плечи сидят идеально, а рукава чуть длинноваты, но это выглядит не небрежностью, а осознанным стилем, который приходит вместе с привычкой носить хорошие вещи. Джинсы — тёмно-синие, прямого кроя, с аккуратной строчкой, без единой потёртости и без модных прорех. Кроссовки — белые, с кожаными вставками, выглядят так, будто их только сегодня достали из коробки, хотя он, кажется, и не заботится о них специально — просто они дорогие и потому не снашиваются быстро. На запястье — простые часы с кожаным ремешком, без бренда, но по тому, как ровно они сидят и как тускло поблескивает циферблат, понятно, что это не дешёвая подделка. У его ног стоит рюкзак из плотной парусины с кожаными лямками, на молнии болтается маленький брелок в виде фотоаппарата — вероятно, подарок. Он невысокий, но плечи у него уже начинают разворачиваться, как у того, кто ско-

ро станет мужчиной, но пока ещё не знает об этом. Его лицо — худое, с острым подбородком и бровями, которые хмурятся, когда он пытается подобрать слова. У него на носу — маленькая родинка, почти незаметная, но я замечаю, потому что смотрю на него слишком пристально. Он смущается, когда девушка смеётся. А она смеётся часто — негромко, коротко, как будто боится, что её смех займёт слишком много места в этой тишине. Но он заполняет всё кафе, и я чувствую, как мои губы сами собой растягиваются в улыбке, хотя я не собиралась улыбаться.

Они разговаривают о чём-то, что я не могу расслышать. Их голоса — как шёпот, который долетает до меня только обрывками, но я не вслушиваюсь. Мне не нужно. Я и так знаю, о чём они говорят. Они говорят о том, о чём говорят все в их возрасте, когда сидят в кафе в Каннаме, хотя могли бы сидеть где угодно — на лавочке у реки, в школьном дворе, в автобусе, идущем куда-то, где они никогда не были. Они говорят о пустяках. О том, какой кофе горький. О том, что завтра будет дождь, а у неё нет зонта. О том, что он сдал математику на два балла, но ему всё равно, потому что он хочет стать шеф-поваром. О том, что она видела во сне, как они гуляли по берегу моря, и волны лизали их босые ноги. Они говорят о том, что не важно и важно одновременно, потому что каждое слово, сказанное сейчас, имеет вес, которого они сами не осознают. Они строят мост через пропасть, которая называется "первая любовь", и каждый кирпич —

это не признание, не клятва, а всего лишь "передай сахар" или "у тебя ресница на щеке".

Девушка тянется через стол и снимает с его щеки невидимую ресницу. Её пальцы касаются его кожи — всего на секунду, но я вижу, как его спина выпрямляется, а потом снова сжимается. Он что-то бормочет, наверное, "спасибо", но звучит это как извинение. Она улыбается и отводит руку, но не сразу — её пальцы на миг задерживаются в воздухе, как будто не хотят расставаться с его теплом. В этот момент я чувствую, как в моей груди что-то сжимается — не от грусти, нет, а от узнавания. Я знаю этот жест. Я знаю эту дрожь. Я знаю это ожидание, когда весь мир сужается до расстояния между двумя телами, и это расстояние — как натянутая струна, которая гудит, даже когда её не трогают.

Я отворачиваюсь к окну, чтобы не пялиться. За стеклом — Каннам. Люди идут быстро, с опущенными к смартфонам головами. Кто-то разговаривает по громкой связи, и его голос доносится до меня приглушённо, как из-под воды. Проезжает автобус, и его отражение на миг закрывает пару, но потом исчезает, и я снова вижу их в стекле — как будто они часть пейзажа, как будто они всегда там были, просто я раньше не смотрела. Они не смотрят в окно. Они смотрят друг на друга. И в этом их счастье — в том, что они ещё не научились смотреть на мир, потому что весь мир для них — это лицо напротив.

Кофе приносят. Бариста ставит передо мной чашку — бе-

люю, с тонкой трещинкой у ручки, которая идёт как судьба, намеченная, но ещё не свершившаяся. Пар поднимается от поверхности, и я смотрю на него, не торопясь пить. Пар — как дыхание. Он поднимается, дрожит, распадается. Он недолговечен. Но пока он есть, он окутывает меня теплом, и я чувствую, как внутри что-то оттаивает. Я подношу чашку к губам. Горечь мягко касается языка, а затем отступает, оставляя после себя лёгкое послевкусие, напоминающее о чём-то, чего не было. Я делаю ещё глоток. Тепло разливается по горлу, спускается в грудь. Я смотрю на пару.

Они теперь замолчали. Не неловко, а так, как замолкают люди, которые уже сказали друг другу всё, что можно сказать словами, и теперь говорят на языке взглядов. Девушка опустила глаза на свою чашку, но её губы подрагивают, как будто она сдерживает улыбку, которая всё равно просачивается в уголки. Юноша вертит в руках бумажную салфетку, скручивает её в жгут, потом расправляет, снова скручивает. Его нога под столом дёргается — я слышу лёгкий стук по дереву, который он тут же пытается замаскировать, прижав колено к столешнице. Они оба знают, что этот разговор — не разговор, а прелюдия. Прелюдия к чему-то, что висит в воздухе, как вопрос, который никто не решается задать. И я знаю, что он его задаст. Не сегодня, так через неделю. Не через неделю, так через месяц. Но он задаст. И она ответит. И всё начнётся.

Но я также знаю, что всё закончится. Потому что я знаю

их. Я знаю их прошлое и настоящее. Я знаю их будущее. Потому что я напишу их будущее.

Я откидываюсь на спинку стула и позволяю этой мысли осесть во мне, как оседает на дно чашки нерастворившийся сахар. Я писательница. Это не значит, что я бог. Но это значит, что у меня есть власть, которой я не просила. Я смотрю на эту пару, и я знаю, что с ними будет. Я знаю, что через два месяца они поссорятся из-за того, что он забудет про её день рождения, потому что будет занят подготовкой к школьному фестивалю. Я знаю, что она расплачется в школьном туалете, и её лучшая подруга будет гладить её по спине и говорить, что все парни одинаковые. Я знаю, что он придёт к её дому поздно вечером с букетом ромашек, купленных в круглосуточном цветочном магазине, и будет стоять под окном, не решаясь позвонить. Я знаю, что она спустится вниз в тапочках на босу ногу, и они помирятся на лестничной клетке, где пахнет сыростью и кошками. Я знаю, что через год он уедет в другой город, потому что его отец получит перевод по работе, и они будут писать друг другу длинные письма на бумаге, потому что так кажется более настоящим. Я знаю, что через два года письма станут короче, а потом и вовсе превратятся в редкие сообщения в мессенджере. Я знаю, что она однажды удалит его номер, но не забудет. Я знаю, что через десять лет она выйдет замуж за человека, который будет пить зелёный чай по утрам и никогда не забудет про её день рождения. Я знаю, что он станет фотографом и однажды, перебирая ста-

рые файлы, найдёт её снимок, сделанный в этом самом кафе, и долго будет смотреть на него, прежде чем закрыть ноутбук. Я знаю всё это. Потому что я это напишу. Или нет. Не важно. Но я знаю.

Я смотрю на них, и мне хочется плакать. Не от жалости, а от того, что красота этой первой любви заключена именно в её незнании. Они не знают, что будет дальше. Они не знают, что расстанутся. Они не знают, что эта боль, которую они причинят друг другу, станет однажды тем, что они будут носить в себе как тайное сокровище. Они не знают, что счастье, которое они испытывают сейчас, не повторится больше никогда. Ни с кем. Потому что первая любовь — это не просто любовь. Это первый раз, когда ты понимаешь, что можешь быть не один. Это первый раз, когда твоё сердце бьётся в такт чужому, и от этого мир кажется отлаженным механизмом. Это первый раз, когда ты смотришь на другого человека и видишь в нём не отражение, а целую вселенную. И это никогда не повторится. Никогда. Даже если ты полюбишь снова — сильнее, глубже, спокойнее, — это будет другая любовь. А та, первая, останется в прошлом, как стеклянный шар, который разбился на тысячу осколков, но каждый осколок всё ещё хранит в себе свет.

Я снова смотрю на них. Девушка сейчас что-то показывает юноше на экране телефона. Он наклоняется ближе, и их головы почти соприкасаются. Я вижу, как его плечо касается её плеча — случайно или нет, не знаю, но она не отодвигает-

ся. Её ресницы опущены. Она улыбается. Он тоже улыбается, но не в экран, а на её лицо, которое видит сбоку. В этом кадре — всё, что мне нужно. Я могла бы остановить время. Я могла бы не писать их будущее. Но я не могу. Потому что я должна. Потому что если я не напишу, то кто-то другой напишет за меня, и это будет хуже. Я должна дать им историю. Даже если эта история будет грустной. Даже если она будет полна разлук и недосказанностей. Даже если в конце не будет хэппи-энда. Потому что правда в том, что у первой любви редко бывает хэппи-энд. Но у неё есть кое-что другое — то, что остаётся после. То, что я, как писательница, должна запечатлеть.

Я беру ручку и открываю блокнот. На чистой странице — голубые линии, как горизонты, которые я должна заполнить. Я не пишу. Я просто смотрю на эти линии. Потом поднимаю глаза на пару. Они теперь смеются. Девушка зажала рот ладонью, потому что не хочет смеяться слишком громко, но смех прорывается сквозь пальцы. Юноша смотрит на неё с таким выражением, как будто она — единственный источник света в тёмной комнате. Его глаза блестят. На щеках — ямочки. Он на секунду переводит взгляд на меня, просто потому что я сижу в поле его зрения, но он меня не видит. Он смотрит сквозь. Для него я — просто тень, деталь интерьера, как сухоцвет в вазе. И это правильно. Я не должна быть видимой. Я должна быть наблюдателем. Тем, кто записывает. Тем, кто помнит.

Но я хочу быть увиденной. Хотя бы на секунду. Хочу, чтобы они поняли, что за ними наблюдают, что их история уже кем-то проживается, ещё до того, как они её проживут. Но они не обернутся. Они слишком заняты друг другом. И это лучшее, что может быть.

Я перевожу взгляд на окно. Там, за стеклом, идёт лёгкий дождь. Когда он начался? Я не заметила. Капли стучат по стеклу, оставляя на нём неровные дорожки, и от этого уличный пейзаж расплывается, как акварель, на которую подышали. Люди поднимают воротники, раскрывают зонты, ускоряют шаг. Каннам становится серее, но не мрачнее. Он просто меняет тональность, как музыка, которая из мажора переходит в минор, но не теряет мелодии. Я смотрю на отражение пары в стекле. Они — как две фигуры на старой плёнке, слегка зернистые, тёплые. Девушка поправляет воротник его толстовки — зачем? Он ведь не падает. Но ей нужно прикоснуться. Ей нужно хотя бы так, через жест, сказать ему то, что она не может сказать словами. Он позволяет ей. Он сидит смирно, как под гипнозом, и его руки лежат на коленях, ладонями вверх, как будто он сдаётся. Сдаётся ей. Сдаётся этой любви. Сдаётся мне.

Я знаю, что напишу их будущее. Но сейчас, в эту секунду, я не хочу ничего писать. Я хочу просто быть здесь, с ними, в этом кафе, где пахнет кофе и сухоцветами. Я хочу, чтобы эта секунда длилась вечно. Я хочу, чтобы дождь за окном не прекращался. Я хочу, чтобы он так и сидел с ладонями вверх,

а она так и поправляла его воротник, хотя в этом нет нужды. Я хочу, чтобы этот момент — момент до, момент между, момент, который я не описала ещё ни в одной книге, — стал единственной реальностью. Но я не могу остановить время. Даже я, писательница, не могу. Время идёт, и оно унесёт их из этого кафе. Оно унесёт их друг от друга. Оно унесёт меня с этого стула. Оно унесёт всех нас — к финалам, которые я уже знаю.

Девушка убирает руку. Юноша опускает взгляд на её пальцы, которые теперь сжимают край его рукава — не отпуская. Они так и сидят, соединённые этой тонкой нитью ткани, и я вижу, как его ухо краснеет. Она не видит, потому что смотрит в окно, на дождь. Она что-то говорит — наверное, о дожде. "Смотри, как льёт", — может быть. Он кивает. Он не смотрит на дождь. Он смотрит на неё. И я понимаю, что в этот момент я не просто наблюдатель. Я — соучастник. Я знаю, что они ещё не знают. И от этого я одинока. Одиночество знающего — самое тихое одиночество. Оно не кричит. Оно просто сидит рядом, как я, и смотрит.

Я допиваю кофе. Он остыл, но я не замечала. Последний глоток — уже без пара, с лёгкой горечью, которая остаётся на языке, как воспоминание о том, что было теплом, а стало просто водой с привкусом. Я смотрю на чашку. Трещинка у ручки кажется глубже, чем в начале. Я провожу по ней пальцем. Она не расширяется. Но она есть. И я знаю, что если чашку уронить, она разобьётся именно по этой линии. Так

устроены трещины. Так устроены судьбы.

Я снова поднимаю глаза на пару. Они собираются уходить. Юноша встаёт первым и неловко отодвигает стул, который издаёт короткий скрип, и он морщится, как будто стул выдал его. Девушка встаёт медленнее, поправляет юбку, берёт свою сумку. Они идут к выходу, но не сразу. Сначала он помогает ей надеть пальто — держит его так, как будто это не пальто, а крылья, которые он боится сломать. Она просовывает руки в рукава, и её затылок на секунду оказывается близко к его лицу. Он наклоняется ниже, чем нужно, и я вижу, как его губы шевелятся — он что-то шепчет ей на ухо. Она замирает. Потом поворачивает голову и смотрит на него. Её глаза блестят. Она улыбается — той улыбкой, которая бывает только в шестнадцать, когда весь мир умещается в одном человеке. Он берёт её за руку. Не за ладонь, а за запястье — бережно, как держат птенца. Они идут к двери.

Я смотрю им вслед. Дверь открывается, и внутрь врывается сырой воздух, запах дождя и улицы. Они выходят, и дверь медленно закрывается за ними, отсекая их от меня. Я остаюсь одна — с пустой чашкой, блокнотом и ощущением, что только что увидела начало и конец одновременно. В окне они ещё видны: они идут по тротуару, не разнимая рук, и дождь падает на них, но они не ускоряют шаг. Они идут медленно, как будто у них есть всё время мира. А ведь у них и правда есть всё время мира. Пока я не решу иначе.

Я открываю блокнот. Беру ручку. На чистой странице вы-

вою первое слово. Оно складывается из их смеха, из запаха кофе, из трещинки на чашке, из дождя на стекле. Оно — их имя, которое я ещё не придумала, но уже знаю. Я начинаю писать их будущее. Или, может быть, я его уже написала. Или, может быть, я пишу его прямо сейчас, сидя в этом кафе в Каннаме, где за окном всё ещё идёт дождь, а за столиком напротив уже никого нет. Но они есть. Они всегда будут. Потому что я знаю их. Я знаю их прошлое и настоящее. Я знаю их будущее. Потому что я пишу их будущее. И оно уже началось.

Я откладываю ручку. На странице — несколько строк, которые пока не складываются в историю, но уже несут в себе её вес. Я смотрю на них, как смотрят на карту местности, по которой ещё не ступала нога. Я знаю, что вернусь сюда завтра. И послезавтра. И через год. Я буду сидеть у этого окна, пить американо и смотреть на людей, которые приходят и уходят. И может быть, однажды я снова увижу их — уже другими, изменившимися, но всё ещё хранящими в себе тот дождливый вечер. И я улыбнусь им, не потому что они меня узнают, а потому что я узнаю их. Потому что я — та, кто знает. Та, кто помнит. Та, кто пишет.

А пока я складываю блокнот в сумку, застёгиваю пальто и встаю. Стул отодвигается с тихим, почти извиняющимся скрипом, как в прошлый раз. Я оставляю чашку на столе. Пусть бариста заберёт её. Пусть она увидит, что я была здесь. Пусть она знает, что в этом кафе произошло что-то важное.

Или не произошло. В конце концов, всё произошло только в моей голове. Но разве это не единственное место, где происходят все истории?

Я подхожу к двери и толкаю её. Снаружи — шум, дождь, Каннам. Я выхожу, и дверь закрывается за мной, отрезая тишину. Но я уношу её с собой. И их — тоже. Я уношу их будущее, которое я напишу. И оно будет прекрасным. Даже если грустным. Потому что первая любовь не может быть иначе. Она всегда — как дождь в Каннаме: внезапный, шумный, смывающий всё, кроме самого важного. И я — та, кто её запечатлеет.

Я иду по тротуару, не раскрывая зонта. Дождь падает на моё лицо, на мои волосы, на мои руки. Я не чувствую холода. Я чувствую только, как внутри меня, на самой глубине, что-то продолжает тихо звучать — как фортепианная мелодия из кафе, которую я так и не смогла вспомнить, но которая осталась со мной, как обещание. Я знаю, что вернусь. Я знаю, что напишу. Я знаю их. Я знаю их прошлое и настоящее. Я знаю их будущее. Потому что я напишу их будущее. И в этот момент, под дождём, в переулке Каннама, я наконец улыбаюсь. Потому что я — не просто наблюдатель. Я — та, кто дарит им вечность. А это — самая большая любовь, на которую способен писатель.

Я сворачиваю за угол и исчезаю из вида. Но кафе остаётся. Оно будет стоять там, среди стеклянных башен и быстрых шагов, хранить в себе запах кофе, свет тёплого молока и эхо

двух голосов, которые однажды, в дождливый вечер, слились в одну историю. Историю, которую я знаю. Которую я напишу. Которую я уже написала. И которая началась с простого: "Я сижу у окна, и мир за стеклом движется так, словно его кто-то перематывает вперёд..."

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.